

симиляции по подъему, когда под влиянием закрытого гласного аффикса сужается открытый гласный первого слога в двухсложных словах. Обе разновидности ассимиляции имеют разные источники и разную природу, отличную от умлаута.

Редукция узких гласных (стр. 62 и сл.), их оглушение, сужение широкого гласного, наблюдаемые в неодносложных словах, хорошо известны и в односложных основах; ср.: крым.-тат. *кыр* «грязь» и *кӱр* «вход», *тӱш* «сон» и *тӱш* «сходи (с повозки, поезда, лошади и т. п.)».

Могут вызвать недоумение термины «карлукский», «карлукско-уйгурские» языки: вряд ли кому удалось бы сегодня хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать, например, «карлукский язык» и, тем более — группу «карлукских языков». В списке древних языков пропущены староазербайджанский, старокипчакские, хотя приведен старотурецкий. Ссылки на высказанные в тюркологии взгляды об исходном составе тюркского слога (стр. 109—110) можно было бы дополнить важным для вопроса изложением точки зрения В. Котвича.

Некоторые неточности. Азерб. *к-* (орфограф. *э-*) — не щелевой (как это зафиксировано на стр. 94, 127, 137 и сл.), а смычный согласный, что уже выяснено экспериментальным путем. Азербайджанские слова с велярной огласовкой в ауслауте

имеют не *i*, а *ɛ* (стр. 96—97). На стр. 56 (см. также стр. 60—61, 68—69, 86—87 и сл.) приведены туркменские формы: *əaj-*, *əān*, *əār-*, *əaš* и др. Однако в туркменском *ə-* в анлауте не бывает<sup>14</sup>. Начальную туркм. орфогр. *ə* = звонкому *ə*<sup>2</sup>.

Книга А. М. Щербака точно отражает состояние современной тюркской фонетической дисциплины, убедительно свидетельствуя, на какие вопросы относительно фонетического строя тюркских языков сегодня можно получить достаточно обоснованный ответ и на какие вопросы ответ пока отсутствует или недостаточно обоснован.

Некоторые из вопросов второго рода были проиллюстрированы изложенными выше замечаниями, которые имеют целью привлечь внимание специалистов к недостаточно обследованным фонетическим явлениям в тюркских языках, природы, закономерности и границы которых могут быть выяснены лишь при изучении их с тем охватом, глубиной и тщательностью, с какими удалось А. М. Щербаку проанализировать многие вопросы в его ценной книге «Сравнительная фонетика тюркских языков».

Э. В. Севортян

<sup>14</sup> «Грамматика туркменского языка», стр. 54 (2. б).

**Г. Г. Почепцов.** Конструктивный анализ структуры предложения. — Киев, «Вища школа», 1971. 191 стр.

Рецензируемая работа состоит из предисловия, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников примеров. В первой главе дается критический разбор современных теорий анализа предложения. Во второй главе читатель найдет общие принципы предлагаемого Г. Г. Почепцовым метода конструктивного членения предложения, а в третьей, основной, описывается структура простого предложения современного английского языка в рамках предложенной теории.

Автор ставит своей задачей дать исчерпывающее описание простого предложения. Для этого предлагается система из 39 баз ядерных предложений (стр. 87—108), состоящих преимущественно из полнозначного глагола-сказуемого в его данном лексико-грамматическом значении и обязательного окружения. Некоторые члены баз также в обязательном порядке связаны с другими элементами, входящими в ядерные предложения (стр. 111—113). Затем предлагается серия синтаксических процессов,

распространяющих само ядро или уже распространенные члены предложения (стр. 113—171). В этой части модели простого предложения автор предлагает новые, довольно прозрачные и удачные термины. Синтаксические процессы — это *расширение*, охватывающее сочинительные и пояснительно-уточнительные связи; *усложнение*, которое покрывает различные виды довольно широко понимаемого составного глагольного сказуемого, полупредикативные построения (например, объективно-предикативный член), а также сочетания количественного числительного с существительным; *соединение*, в рамках которого очень удачно описывается так называемое двойное сказуемое (*Voltaire left France, a poet*); *развертывание*, соответствующее большинству сочетаний с традиционными атрибутивными, объектными и адвербиальными связями; *присоединение*, или модификация с помощью частицы; и, наконец, *включение*, иными словами, довольно широко понимаемая вводность. Кроме того, упоминаются такие языко-

вые явления, как замещение, репрезентация и опущение (т. е. эллипсис).

Эта тройная иерархия описания (по сути дела, двойная, так как первые две ступени обычно совпадают) представляет собой достаточно гибкую, простую и полную систему, способную служить целям анализа преобладающего большинства английских простых предложений. В то же время следует подчеркнуть, что конструктивный синтаксис, в отличие от традиционного, имеет порождающую, а не анализирующую направленность. В основе теории лежит понимание языка как лингвистической способности к порождению и распознаванию отмеченных предложений. Ядра составляют структурный костяк предложения, предопределяемый системой самого языка. Они могут быть исчерпывающе описаны. Расширения каркаса зависят от коммуникативных задач предложения, от воли говорящего (пишущего), от потребностей конструкции. Они не являются обязательными, а поэтому описание самих расширений целесообразно заменить изложением синтаксических процессов, приводящих к их образованию.

Нам представляется, что конструктивный анализ структуры предложения Г. Г. Почепцова может стать удачной и экономной системой анализа или синтеза английского текста и обслуживать самые разные теоретические задания и практические потребности, если: а) привести различные компоненты предложения — придаточные предложения, инфинитивные, герундиальные и причастные обороты и т. д. — к простому предложению, а также установить способы соединения этих компонентов; б) составить алфавитный список всех английских глаголов, вернее, их лексико-грамматических значений с указанием номера ядерного предложения, к которому они относятся в активе и в пассиве; в) составить наиболее подробный перечень всех возможных переходных и промежуточных случаев между отдельными ядрами и различными расширениями. После этого можно будет дать окончательную оценку этой оригинальной, интересной и многообещающей теории.

Такой многоаспектный объект, как язык, допускает множество правильных теорий. Их релевантность во многом зависит от того, насколько существенный признак положен в основу всей концепции. Для Г. Г. Почепцова это анализ по членам предложения с учетом конструктивной значимости каждого элемента (стр. 6). Член предложения — это базисная синтаксическая единица, которая обеспечивает сведение всего многообразия предложений, реализованных, реализуемых и потенциально возможных в речи, к определенным комбинациям некоторого конечного числа единиц (стр. 24).

Для того чтобы показать применимость, так сказать, «жизненность» своей теории, Г. Г. Почепцов строит ее на конкретном материале современного (XIX—XX вв.) английского языка художественных произведений. Исходной членом и о ней единичей анализа, т. е. тем объектом, с которого начинается процедура анализа, служит простое повествовательное предложение (стр. 8). Таким образом, по материалу и содержанию рецензируемая книга совпадает со «Структурой простого предложения в современном английском языке» Л. С. Бархударова, но отличается нацеленностью по оси частного/общего языкознания. Л. С. Бархударов описывает строй английского языка с открытой возможностью распространения своих выводов на другие языки, а Г. Г. Почепцов предлагает общелингвистическую теорию, иллюстрируемую на конкретном языке. Обоих авторов сближает глубокое уважение к классическому и отечественному языкознанию, скрупулезность в использовании всех достижений своих предшественников и привлечение последних достижений лингвистической науки.

Определяющей при установлении ядер предложения для Г. Г. Почепцова является синтагматическая классификация глагола; поэтому только недостатком места можно объяснить тот факт, что эта классификация не описывается подробно, а приводится в виде списка, и не в основном тексте, а в сноске (стр. 74—75). Разряды классификации выводятся из четырех элементарных видов направленности глагола: объектной (прямой и предложнопереходной), адресатной, обстоятельственной (пространственной, временной, качественной, целевой) и нулевой (в ненаправленных глаголах). Направленность глагола представляет собой семантическую характеристику, тесно связанную с правой сочетаемостью глагола в терминах второстепенных членов предложения. Поскольку правая сочетаемость глагола имеет много индивидуальных черт, которые могут к тому же меняться в зависимости от стиля и жанра, территориальных и исторических особенностей и даже склонностей автора, дистрибутивно-семантическая классификация глагола представляет собой задачу огромной трудности.

Не все ядерные предложения кажутся нам убедительными. В ряде ядер, с нашей точки зрения, можно отбросить дополнение или обстоятельство, например, в ядрах № 7, 8, 15, 20, 22, 33 и др. Приведем некоторые иллюстрации из книги, выделив члены предложения, которые можно устранить: *He would be there tonight; They won't keep you long here; In all this the Board has agreed with me; She pushed it over the table to me.*

Г. Г. Почепцов неоднократно подчер-

кивает, что ядерные структуры отражают не глубинные, а поверхностные связи глагола-сказуемого. Ядра с одним и тем же типом глагола в активе и в пассиве асимметричны, так как правое окружение в действительном залоге сложнее, чем в страдательном. Например, ядро № 27 с глаголом-сказуемым в пассиве соответствует № 3, 4 и 7 с активным глаголом; № 29 и 30 с глаголом-сказуемым в пассиве (*All has been told me about it*; *I have been told all about it*) — № 9 с глаголом в активе (*She has told me all about it*). Асимметричная система ядер неудобна в учебных и других практических целях; она вряд ли релевантна при изучении психолингвистического механизма речетворчества, но она экономна при анализе и синтезе предложения.

В каждой теории есть свои «узкие места». Они обусловлены тем, что конечная система накладывается на беспредельный материал, в котором каждая грань «размывается» серией спорных, двусмысленных употреблений. Поэтому любая теория несовершенна и требует постоянного углубления и частичной перестройки по мере усовершенствования. Перечислим некоторые вопросы, в которых, с нашей точки зрения, необходимо уточнение в рецензируемой книге.

Система ядерных предложений представляет собой 39 инвариантов, включающих множество вариантов, некоторые из которых специально выделяются в книге, например, в ядрах № 1, 3, 27, 28, 31. Однако мы не находим четких критериев разграничения вариантов и инвариантов. Построения типа *There is a book* относятся к ядру № 37, а *Here is the book* — к № 38. Г. Г. Почепцов обосновывает это различие в содержании и в детерминативах имени (стр. 103—104). Однако автор видит и общее в этих моделях. Мы думаем, что они объединяются в первую очередь тем, что служат для введения подлежащего как коммуникативного центра высказывания<sup>1</sup>. Если эти предложения относятся к разным ядерным каркасам, то почему не разграничить *They smoked* и *It was raining*, которые считаются вариантами ядра № 1, или варианты ядра № 36: *He was asleep* и *It's two o'clock*?

Большинство глаголов имеет не одно, а несколько лексико-грамматических значений, которые сигнализируются их окружением, например, *Amazement filled his face* — ядро № 2, *They filled the room with tables* — ядро № 8 (стр. 98). Но глаголы могут употребляться и абсолютно; и тогда иная дистрибуция ничего не говорит об иной синтаксической семантике глагола. Очевидно, первоочередной задачей конструктивного синтаксиса яв-

ляется определение сущности и пределов абсолютного употребления, при котором «обязательные элементы могут опускаться, оставаясь в кругу мысли говорящего и слушающего» (стр. 72—73).

Не меньше трудностей возникает при отнесении тех или иных компонентов к ядерному каркасу или к его распространению. Например, длительный вид или перфектная форма глагола не влияют на синтаксические особенности, а модальные глаголы *can*, *may*, *must* рассматриваются как усложнение сказуемого. Очевидно, необходимо обосновать статус *shall*, *will*, *to be going*, которые некоторые ученые относят к модальным глаголам, а другие включают в глагольную парадигму. То же касается детерминативов существительного. Судя по иллюстрациям, приведенным в книге, артикли и притяжательные местоимения относятся Г. Г. Почепцовым непосредственно к ядру (см., например, стр. 97, 98, 99). А куда отнести детерминативы *this*, *some*, *no* и др.? Необходимо уточнить грань между детерминативом и определением, которое квалифицируется как один из видов развертывания.

Следующим общим замечанием к рецензируемой работе является недостаточная доказательность некоторых ее положений.

Недостаточно убедительно обосновано расчленение активной и соответствующей пассивной конструкций на разные ядерные предложения. Психолингвистические опыты в пользу самостоятельности пассива в процессе речетворчества опровергаются противоположными показаниями других экспериментов<sup>2</sup>. Соображения удобства и экономии (некоторые активные и пассивные конструкции не имеют противоположного соответствия) должны рассматриваться всесторонне. Вряд ли удобно удвоение количества ядерных каркасов, имеющих одинаковое значение глагола и сходное окружение. Наиболее существенным доводом в пользу выделения пассивных построений в отдельные ядра мы считаем то, что Г. Г. Почепцов анализирует не глубинные, а поверхностные структуры. Но тогда неясно, почему «утвердительность: отрицательность, вопросительность: невопросительность» и другие оппозиции, затрагивающие поверхностные структуры, не конституируют новые ядерные предложения.

Очевидно, примеры *Lost dogs are dreadful to think about*; *She was good to look at* (стр. 149) нельзя отнести к усложнению сказуемого, так как по определению<sup>3</sup> усложнения инфинитив или герундий в

<sup>1</sup> В этом отношении к ним примыкает и предложение *Now comes the time*, которое представляет ядро № 11.

<sup>2</sup> Ср., например: Н. S. Savin, E. Perchonsk, *Grammatical structure and the immediate recall of English sentences*, «Journal of verbal learning and verbal behaviour», 4, 5, 1965.



не<sup>7</sup> должны выражать процесс, соотносительный с субъектом, заключенным в подлежащем (стр. 132), а в приведенных примерах подлежащее служит объектом процесса, заключенного в инфинитиве.

Мы согласны с той высокой оценкой, которую Г. Г. Почепцов дает трансформационному методу как новой ступени в развитии синтаксиса (стр. 31—32). И не случайно отдельные положения трансформационной теории и нацеленность на синтез проходят через всю книгу. Автор упоминает два подхода к трансформации: З. Харриса и раннего Н. Хомского, но не учитывает последних работ школы Н. Хомского, в которых трансформация трактуется как соотношение поверхностных конструкций и глубинных структур разной глубины, несущих полную информацию как плана выражения, так и плана содержания<sup>3</sup>. Иными словами, конструкции, которые именуются глубинными структурами и из которых генерируются путем трансформаций реальные языковые цепочки, должны объяснять все особенности этих цепочек. В рецензируемой книге, как во многих других языковедческих работах, трансформация понимается просто как преобразование, которое манифестирует связи любого рода между конструкциями. Трансформация, согласно автору, — это изменение смысла и набора грамматических морфем при сохранении морфем лексических: *They smoked* ↔ *Their smoking* (стр. 87), преобразование повествовательного предложения в вопросительное и побудительное (стр. 109), *A boy came* ↔ *There came a boy* (стр. 87). Трансформация — это преобразование с сохранением лексических морфем и основного значения, но с изменением грамматической конструкции, например, *He was certain to come* ↔ *His coming was certain* ↔ *It was certain that he would come* (стр. 147); соотношение актива с пассивом и пр. Трансформация — это преобразование с сохранением значения, но с изменением лексических морфем и конструктивных особенностей, например, *He was exhausted by her outburst* ↔ *Her outburst was the cause of his exhaustion* (стр. 94); *He affected to read the slip* ↔ *He did not read the slip* (стр. 140). И, наконец, трансформация — это изменение смысла при прибавлении или исключении лексических морфем, например, *They drive* ↔ *They can drive*; *They laugh* ↔ *They began to laugh* (стр. 132); *I tried to formulate* ↔ *I formulated* (стр. 140).

<sup>3</sup> J. J. Katz, J. A. Fodor, The structure of a semantic theory, «Language», 39, 2, 1963; Р. Ружичка, О понятии «заимствованный синтаксис» в свете теории трансформационной грамматики, ВЯ, 1966, 4; J. J. Katz, P. M. Postal, An integrated theory of linguistic description, Cambridge (Mass.), 1967.

Очевидно, необходимо уточнить понимание трансформации, если мы хотим положить ее в основу синтаксической теории или широко использовать ее как вспомогательный метод. При этом можно разграничить трансформацию как таковую и различные преобразования, которые удобны как эксплицированное средство указания на связи в планах выражения и содержания.

Необходимо внести ясность в понятие расширения. Оно включает два вида распространения ядерного каркаса: аддицию и спецификацию. Спецификация известна в синтаксисе как пояснительная или уточнительная связь, а аддиция — это традиционное сочинение. Г. Г. Почепцов пишет, что расширение не совпадает с понятием однородных членов предложения, так как включает ряд разноструктурных сказуемых с одним подлежащим (стр. 119) или, добавим, ряд неоднородных определений к одному имени. Но тогда неясно замечание автора о том, что серия элементов, связанная отношением расширения, может рассматриваться как единый член предложения и что все эти элементы должны иметь общий синтаксический статус и связь. Мы полагаем, что расширение конституируется соподчинением двух элементов третьему при одинаковом характере подчинительной связи. Различные аддиции и спецификации основываются на референтной соотносительности соподчиненных членов. При спецификации референты частично (а изредка и полностью) совпадают. Поэтому мы не согласны с мнением Г. Г. Почепцова, что между поясняющим и поясняемым наличествуют и смысловая, и синтаксическая связи (стр. 127). Связь между ними только смысловая. В этом легко убедиться, исключив один из этих элементов. Конструкция при этом не нарушится.

В синтаксическом процессе усложнения объединяются соотношение простого и составного сказуемого (*I read — I can read*), дополнения и объектно-предикативного сочетания (*I saw him — I saw him run*) и, наконец, имени и сочетания количественного числительного с именем (*books — seven books*). Но все эти процессы различаются между собой. В первом из них усложняющий элемент служит для связи усложняемой части с предложением, а в остальных усложняющий элемент сам подсоединяется к усложняемому. В первом и третьем из них любой усложненный член можно свернуть до неусложненного, а в объектно-предикативном члене это не всегда возможно, см. пример из книги: *Mary let a sigh escape her — \*Mary let a sigh* (стр. 155—156). Вышеописанные различия разрушают единство синтаксического процесса, который именуется усложнением. Мы считаем, что в усложнение нельзя включать полупредикативные

конструкции. Их основной особенностью является то, что они строятся с помощью ядерного каркаса и тех же синтаксических процессов, что и простое предложение. Поэтому при анализе их следует вычленять в первую очередь и в дальнейшем анализировать как простое предложение с учетом особенностей в выражении подлежащего и сказуемого; а при синтезе их следует связать с предложением на последнем шаге порождения предложения. Для этого следует разработать еще один, совершенно новый раздел анализа предложения — «сочленение», в котором должны рассматриваться различные виды связи предикативных и полупредикативных единиц.

Замещение и репрезентацию (стр. 170) следует связать с местоименностью в широком смысле слова. Местоимения и местоименные наречия соотносятся непосредственно с денотатом, и поэтому могут употребляться без упоминания о референте другими средствами. Что касается слов-заместителей и репрезентантов, то они соотносятся не с денотатом, с дисигнатом и встречаются обычно после неместоименного слова. Различие между замещением и репрезентацией лежит в плане выражения. Пользуясь терминами из рецензируемой книги, можно описать репрезентацию как замещение с опущением, или, что то же, с компрессией.

Предлагаемая Г. Г. Почепцовым система базисных структур и их распространений не может быть абсолютно исчерпывающей, так как языковой континуум невозможно полностью покрыть дискретной сеткой. Но автору удалось создать

очень подробную, продуманную и достаточно релевантную систему — и в этом основная ценность предлагаемой работы как одной из ступеней в разработке синтаксиса простого предложения. Применение системы в решении теоретических и практических задач выявит пути ее усовершенствования. Сам Г. Г. Почепцов подчеркивает, что он не претендует на изложение истины в последней инстанции (стр. 5). Очевидно, некоторые ядерные предложения можно будет отбросить (особенно ядра с обстоятельством времени) и считать распространением других ядер. Некоторые ядра разделятся на два или более ядерных каркасов. Потребуется выделение новых ядер, например, парносимметричных предложений типа *No pains, no gains; Calf-love, half-love*.

Книга Г. Г. Почепцова не только предлагает общую систему, обеспечивающую глубокое проникновение в структуру современного английского языка, не только богата многочисленными частными наблюдениями, свидетельствующими о многолетнем и плодотворном изучении ее автором английской грамматической системы (например, возможность опустить инфинитив после дополнения к глаголу *hear* — стр. 156; позиция объектно-предикативного члена перед дополнением — стр. 157), она еще ценна тем, что будит мысль читателя, увлекает его и заставляет разрабатывать дальше и уточнять описываемую теорию, спорить с автором и искать выхода из возникающих трудностей. Это очень полезная и нужная книга.

Я. Г. Биренбаум

**А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловянникова.** Фрагменты грамматики хиналугского языка. — Изд-во Московского университета. 1972. 379 стр.

Рецензируемая книга посвящена описанию одноаульного бесписьменного языка дагестанской ветви восточнокавказских языков, который известен под именем хиналугского (сами хиналугцы называют себя *kāl'd*). Изучение хиналугского языка важно в двух отношениях: 1) оно является необходимым звеном при создании сравнительно-исторической грамматики восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков; 2) изучение хиналугского может иметь общелингвистическое значение, так как это язык с весьма своеобразной структурой. Если к сказанному добавить, что языкознание располагало всего лишь одной монографической работой об этом языке — «Грамматикой хиналугского языка» Ю. Д. Дешериева (М., 1959), то станет оправданным большой интерес к новой работе в этой области.

Рецензируемая книга опирается на материал, добытый во время двух экспедиций, организованных отделением структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, которыми руководил А. Е. Кибрик. Тем самым в рецензируемую работу свою долю внесли и студенты (см. стр. 8). Все части грамматики в окончательной редакции написаны А. Е. Кибриком и С. В. Кодзасовым. Хиналугско-русский и русско-хиналугский словники составлены И. П. Оловянниковой. Заглавие книги — «Фрагменты грамматики хиналугского языка», по нашему мнению, несколько скромно и не соответствует действительности: книга является весьма полным и последовательным описанием фонологической и грамматической систем хиналугского языка. Необходимо отметить, что книга написана на высоком научном